

Глеб Иванович Успенский

Урожай

Кой про что

Глеб Успенский

Урожай

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Урожай / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1885 — (Кой про что)

«...В рассказе затрагиваются важные вопросы социального положения и экономического состояния крестьянства того времени. Несмотря на заглавие рассказа, об урожае, как «редком» стихийном явлении, Успенский говорит лишь в начале и в конце повествования, причем писатель показывает, как это временное материальное благополучие раскрывает в измученных и озлобленных людях прекрасные душевные качества русского народа. Однако основная и наиболее сильная по материалу и художественной выразительности часть рассказа посвящена изображению разорения русской деревни, как последствия крестьянской реформы 1861 года...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Урожай

I

...После долгого, почти четырехмесячного отсутствия из места моего «жительства», часу в третьем темной и свежей августовской ночи, я вновь очутился на платформе «нашей» железнодорожной станции... и недоумевал: по крайней мере минут пять прошло с той минуты, как остановился поезд, и я вышел из вагона, а мой саквояж и так называемые «ремни» были еще в моих руках, то есть вопреки многолетнему опыту никто еще из местных мужиков не вырвал из моих рук этого саквояжа и этих ремней, никто из них меня не теребил ни за рукав, ни за полу, таща к своей телеге, никто не умолял, до земли кланяясь, чтобы я прокатился с ним, так как он уже второй день без работы.

В течение по крайней мере десяти лет я привык, подъезжая к нашей станции, чувствовать необходимость возбуждать в себе некоторую искусственную храбрость и даже искусственное ожесточение; я знал, что едва я выйду из вагона, как «мужики» меня «разорвут», расхватают вещи, разнесут их по разным повозкам, так что потом надобно и самому ругаться с мужиками и видеть, как мужики ругаются из-за пассажира. Искусственное ожесточение необходимо было на то, чтобы «отбиться» от мужиков, а для этого прежде всего необходимо было крепко «вцепиться» в свои вещи и сразу ринуться из вагона сквозь толпу к тому из мужиков, с которым порешишь ехать. Всему этому научила многолетняя практика; все это я проделал и в настоящий мой приезд на станцию, то есть заблаговременно прибодрился, вцепился в вещи и готов был ринуться грудью сквозь рвущую на части и орущую толпу, но вместо того вот уже пять минут, как я, «вцепившись» в вещи, хожу по платформе, а меня не только никто не рвет на части, не теребит, не тащит, ко, напротив, я сам жду не дожусь, чтобы кто-нибудь пришел, освободил меня от моих вещей, которые мне оттянули руки, взял бы их от меня и отвез бы домой.

– Что же это такое? – в недоумении вопрошал я сам себя, положительно не зная, чем объяснить себе такое необыкновенное явление.

– Позови-ка, пожалуйста, извозчика! – сказал я сторожу, оставшемуся на платформе, после того как поезд ушел.

– Да извозчиков нету, вашскобродие! – отвечал он.

– Отчего же нету?

– Да не видать что-то... И так публика жалуется... Сказывают так, что урожай господь дал – ну вот, им и неохота!

– Это верно! – подтвердил, подойдя к нам, какой-то сельский купец с подушкой подмышкой, также оставшийся без лошадей. – Урожай господь дал ужасственный! Сказывают, на два года хлеба хватит... Старожилы не запомнят эдакого урожая...

– Так нельзя ли сбегать, попросить кого-нибудь «из одолжения?»

– Ну нет, – сказал купец. – Навряд теперь кто поедет. Теперь, когда господь их так помиловал, погляди-кось, какого храпу они задают! Его пушкой теперь не прошибешь. Окромя как у лавочника, у Кузьмы Демьяныча, ежели честью попросить, пожалуй что навряд кто согласится. Он теперь, мужик-то, за сто рублей не проснется!

Решили послать сторожа к Кузьме Демьянычу.

– Да! – промолвил купец, испустив глубокий, облегчающий душу вздох. – Слава тебе, господи!.. Такая благодать господня на наших мужичонков свалилась, и непривидано!.. Такую

поправку господь ниспослал – во сне никому не снилось... А мужикам хорошо – и всем будет поприятней!

Слушая эти слова, я чувствовал, что какая-то давнишняя, прочно улежавшаяся тягота, вдруг свалилась с моей души, привычной быть стиснутой и придавленной. Что-то свежее, теплее расширило мою грудь, облегчило и сердце и мысль, и вообще все и во мне и вокруг меня как-то осветлело, и все от этого неожиданного слова – «урожай»!

«Неужели в самом деле «хватит» на два года?» – радостно думал я, но непривычная к светлым фантазиям мысль не смела еще представить себе всех тех последствий «божьей благодати», которая посетила наши вечно полуголодные места.

И в то же время я ясно сознавал, что нельзя иначе назвать то, что неожиданно посетило наши полуголодные места, как именно «божья благодать». Что это такое «урожай»? Что такое «хватит на два года хлеба»? Это значит, что в каждой семье и в отношениях одних семей к другим, а затем и в отношениях общественных окажется возможность «жить и поступать по совести».

Здесь, вот в этой семье, ребят больше, чем можно прокормить, а труда и не сосчитать как много сравнительно с тем, что дает скупая земля, – и у человека на душе тьма, тоска за ребят, злоба на бабу, которая родит без всякого смысла и расчета, злоба на соседа, которому не пришлось отдать занятого в срок и который, однако, на основании своего права, также может быть злым, может жаловаться, мучить, может довести до мысли о мести, то есть до явной неправды, до желания сорвать злость «за все это» на бабе, на ребенке, или залить горе в кабаке... Это – когда не родило, когда земля поскупилась вознаградить тяжкие праведные труды; но все это зло, и вся эта тоска, и вся эта неправда, все прахом рассыплется теперь оттого, что господь уродил хлеба на два года: жена вовсе невиновна, что много нарожала, – всем, слава богу, хватит; с соседом, у которого было занято, никакой ссоры и кляузы не выйдет – все будет отдано «с удовольствием», в срок, час в час, по честности: «слава богу – *есть!*» Судейской кляузе места теперь нет, не придерется и старшина: все в порядке, все отдано, заплачено, без ссоры, без понукания, без выдумки о том, чтобы как-нибудь изловчиться не заплатить или избежать наказания: все хорошо, у всех на душе спокойно, чисто, невиновато, не скребет, не точит, не ест... И в себе и в людях все осветлело, все думается и делается по-настоящему, «то есть с свободным духом», не запутанною совестью.

Истинно «божья благодать»!

Но опять-таки скажу, нехватало моей фантазии представить себе всю массу благообразнейших явлений, которые эта божья благодать произведет в народной жизни и в народной совести; нехватало потому, что в наших по крайней мере местах урожай, да еще такой, который дает хлеба на два года, – явление положительно незапамятное. Старожилы действительно не запомнят ничего подобного, да и я, хоть и не могу считать себя старожилом здешних мест, все-таки утвердительно могу сказать, что по крайней мере в течение десяти лет моего пребывания в здешних «лядинах» я ничего подобного не могу припомнить и ни на каких перспективах, проистекающих из «божьей благодати», моя мысль не имела случая упражняться.

Напротив, весь строй народной жизни (разумеется, непосредственно отражающийся и на жизни культурных и правящих классов) на моих глазах в течение десяти лет был непрерывно изъязвлен отсутствием божьей благодати и губительно действовал на душу напряженной, неласковой, неправдивой сущностью явлений окружающей жизни. «Нехватает» быть любящим отцом семейства, «нехватает» быть исправным кредитором, «нехватает» быть исправным плательщиком – и все эти совершенно простые «нехватки» устранялись на моих глазах всегда каким-либо насильственным путем: в семье – семейной ссорой, бранью, причем ребята заснут с *испугу*, забыв про голод, из-за которого и вышла брань; в соседских отношениях – кляузой, сплетней про куму Аксиныю, с которой, мол, ты и т. д., вместо аккуратной отдачи долга; в недо-

имке – драньем в волостном правлении, как известно, также заменяющим урожай, и затем в кабаке, как месте забвения всей этой лжи.

А господа, которые вращаются вокруг народа, разве и они не ощущают в глубине своей совести, что самые строжайшие их поступки и самые гуманнейшие распоряжения в сущности только заменяют собою «нехватку» самую элементарную и что ни в распоряжениях их, ни в мероприятиях не было бы никакой надобности, если бы господь послал урожай? Пошли господь урожай – и не надобно изобретать нераскупоривающихся бутылок как меры против уничтожения пьянства, потому что не из-за чего будет драться с семьей, кляузничать с соседом и вообще незачем будет отягчать свою совесть, а везде все будет сделано как следует. Пошли господь урожай – и судебному приставу не будет никакой надобности производить опись имущества «с сопротивлением»¹, и становой пристав не получит от разъяренной бабы удара палкой по голове, и господину прокурору не будет надобности произносить громокипящую речь, исполненную неправды, и адвокату не надобно будет форсить своим гуманством, да и в остроге не будет сидеть лишний якобы преступник. Как-никак, а у всех этих господ: и у того, кто изобретает нераскупориваемую бутылку, и у того, кто вызывает сопротивление и буйство бабы, и у того, кто сажает виноватого в острог, – у всех у них напряженно, нехорошо на душе: все ведь они знают, что корень дела – *нехватка* только, больше ничего; знают они это по совести, а вот поди же! принуждены почему-то ломать и кривить ею, коверкать ее, как принужден кривить и коверкать ее мужик, бьющий бабу с голоду, подводящий клязу против соседа, засуживающий своего соседа несправедливым судом.

Положительно все десять лет моей деревенской жизни в неразрывной связи с жизнью культурных классов были исполнены непрерывно ощущаемую тягостною фальшью – всеобщим стремлением истинную и простую нужду и истинную причину, источник живой жизни, всегда, к сожалению, тощий и скудный, то есть самую простую, всем понятную, видимую и осязаемую «нехватку» затмить, запутать в каком-либо фальшивом мероприятии – все равно, драка это, или пьянство мужика, или опись с «сопротивлением», или выдумка бутылки. А в глубине совести всех этих людей, желающих затмить «нехватку» всевозможными мероприятиями, – тоска, холод и тяжкая пустота. Скучно и среди городских людей, воротившихся из деревни после описи «с сопротивлением» и играющих в винт, скучно и среди мужиков, дерущих друг друга в волости, кляузничающих друг на друга, дерущихся с своими детьми и бабами и, наконец, пьющих сивуху, чтобы заглушить тоску и неправду совести.

«Так вот этой-то тоски и неправды и не будет теперь и следа!» – думалось мне, когда я, поджидая посланного за лошадьми, сидел на чугунной лавочке, поставленной на платформе, и с каждой минутой все ясней и ясней представлялось, какое огромное значение имеет «нехватка» во всем строе народной жизни и особенно в настоящий ее момент.

¹ ...опись «с сопротивлением»... – насильственная опись имущества крестьян за недоимки, вызывавшая сопротивление или бунт крестьян, которые обычно жестоко усмирялись правительственными войсками.

II

Немало и даже очень, очень немало найдется в настоящее время и во всех классах культурного общества людей, которые, подобно Пушкину в недавно напечатанном его старом стихотворении, с полной искренностью скажут себе:

На свете счастья нет, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля:
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых дел.²³

И немало есть образованных и культурных людей, уже не только замысляющих побег, а уже бежавших, «вырвавшихся» и пробующих жить вольно, тяжелой трудовой жизнью, оберегая «покой и волю» своей души; много на Руси и в настоящее время такого народа, но все-таки это капля в море сравнительно с тем чисто народным, крестьянским движением, которое имеет в основании все ту же цель – жить чисто и чувствовать свою душу не в клещах лжи – и которое поистине *гудит* теперь на Руси.

Что значит это непрерывающееся переселенческое движение в Сибирь, на юг, кругом света на дальний восток, как не поиски «обители трудов и чистых дел», необходимых для «покоя и воли» собственной совести?⁴ А эти огромнейшие, миллионные толпы рабочих, наводняющих весь русский юг, весь Кавказ, – что это, как не выражение глубочайшей потребности помощью заработка собственных рук и собственного хребта выбраться из мучительно-фальшивых условий жизни, созданных «нехваткой», и освободить свою совесть от ненужного зла, обязательного там, где «нехватка» не считается просто «нехваткой», а затирается тяжеловесными, режущими душу мероприятиями, от которых человек только «усталый раб»?

Ничего подобного ни в качественном, ни в количественном отношении не переживал наш народ в течение всего крепостного периода. *Двадцать три тысячи* пришедших из внутренних губерний рабочих нанято в селении Каховке (Херсонской губернии) *в течение одного дня!*⁵ А таких рынков для найма рабочих в настоящее время по всему югу России и Кавказу множество. Но и помимо таких бойких пунктов, куда стекаются рабочие десятками тысяч, нет ни одной мало-мальски порядочной станицы, посада, уездного города, где бы в базарные дни на торжище не толпились сотни и тысячи рабочего люда. Если принять в расчет, что руками этого пришедшего народа обрабатывается такая огромная территория, как весь русский юг, то есть территория, лежащая к югу от линии, идущей с устьев Дуная на Киев, Харьков и оканчивающейся примерно у Астрахани, – а главное, если принять в расчет, что помимо той массы рук, которая обрабатывает всю эту округу, едва ли меньшее количество рук остаются незанятыми, не находящими работы, то, мне кажется, и без точных статистических данных можно видеть, какую массу народа выбрасывает на чужбину из «своих мест» «нехватка» в самом необходимом.

² «Русский архив», № 9.

³ «На свете счастья нет...» – из стихотворения Пушкина «Пора, мой друг, пора!», которое как раз в 1886 году было напечатано в «Русском архиве» (кн. 3, вып. 9). В последней строке у Пушкина: «чистых нег».

⁴ *Переселенческое движение...* – Переселение крестьян, стихийно возникшее в результате безземелья, нищеты и голода после реформы 1861 года, особенно развилось в 80-е годы. Крестьяне средних губерний устремлялись на юг России, в Сибирь и на Восток. Правительственная организация переселенческого движения была очень плоха, в ней царили неразбериха, беспорядок и злоупотребления, всей тяжестью ложившиеся на плечи крестьян, которые зачастую, потеряв все на родине и не получив ничего на чужбине, возвращались на свои прежние места окончательно разоренными. Успенский много писал о переселенческом движении (см. его «Письма с дороги», «Поездки к переселенцам» и др.).

⁵ «Севастопольский листок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.